

УПРАЗДНЕНИЕ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА, КУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА, НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Го Лишуан,

Фуданьский университет,
доктор философских наук, профессор,
Шанхай, Китай,
ORCID: 0000-0002-2265-0528,
E-mail: guolishuang@fudan.edu.cn

Статья поступила в редакцию 30.09.2020, принята к публикации 13.01.2021

Для цитирования: Го Лишуан. Упразднение и преобразование: вызовы транснационализма, культурного сообщества, национальной и государственной идентичности // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. № 1 (42). С. 10-30. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

Аннотация

Данная статья раскрывает причины кризиса современной государственной идентичности с точки зрения трёх аспектов: транснационализма, культурного сообщества и национальной идентичности. Во-первых, автор показывает, что глобализация, выходя за пределы отдельных государств и наций, порождает региональное или глобальное транснациональное (наднациональное) сознание, которое упраздняет функции и авторитет национальных государств. Во-вторых, дифференциация и преобразование культурного сообщества посредством увеличения значения защитной идентичности трансформируется в политическое сообщество, что в свою очередь усиливает рефлексивное самосознание различных цивилизаций и ставит под сомнение легитимность государственной идентичности. В-третьих, когда политическая природа национальной идентичности отделяется от её культурной составляющей, особенно в многонациональных странах в период социальных преобразований, то на-

© Го Лишуан, 2021

циональная идентичность напрямую упраздняет государственную идентичность. В данной статье утверждается, что менталитет «дифференциации», «признания различий» должен быть устранён посредством равноправного общения и диалога, конфликт цивилизаций должен рассматриваться в связи с уникальностью различных культур, а политические и культурные характеристики национальной идентичности должны быть унифицированы с учётом уважения к национальным особенностям. При этом необходимо отказаться от предрассудков «надменности и высокомерия» как транснационализма, так и культурного национализма во избежание конфликтов, вызванных кризисом государственной идентичности.

Ключевые слова:

государственная идентичность, транснационализм, культурное сообщество, национальная идентичность.

UDC 303.01

DOI: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

ABOLITION AND TRANSFORMATION: CHALLENGES OF TRANSNATIONALISM, CULTURAL COMMUNITY, AND NATIONAL IDENTITY FOR STATE IDENTITY

Lishuang Guo,

Fudan University,
Doctor of Philosophy, Professor,
Shanghai, China,
ORCID: 0000-0002-2265-0528,
E-mail: guolishuang@fudan.edu.cn

Article received on September 30, 2020, accepted on January 13, 2021

To cite this article: Guo, Lishuang. (2021). Uprazdnenie i preobrazovanie: vyzovy transnacionalizma, kul'turnogo soobshhestva, nacional'noj i gosudarstvennoj identichnosti [Abolition and transformation: challenges of transnationalism, cultural community, and national identity for state identity]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 1(42), 10-30. doi: 10.24412/1817-9568-2021-1-10-30

Abstract

This article reveals the causes of the crisis of modern state identity from the point of view of three aspects: transnationalism, cultural community and national identity.

First, the author shows that globalization, going beyond the borders of individual States and Nations, generates a regional or global transnational (supranational) consciousness, which abolishes the functions and authority of national States. Second, the differentiation and transformation of the cultural community by increasing the value of protective identity is transformed into a political community, which, in turn, strengthens the reflexive self-awareness of various civilizations and calls into question the legitimacy of state identity. Third, when the political nature of national identity is separated from its cultural component, especially in multi-ethnic countries during a period of social transformation, national identity directly abolishes state identity. This article argues that the mentality of “differentiation”, “recognition of differences” should be eliminated through equal communication and dialogue, the conflict of civilizations should be considered in connection with the uniqueness of different cultures, and the political and cultural characteristics of national identity should be unified with respect for national characteristics. At the same time, it is necessary to abandon the prejudices of “arrogance and haughtiness” of transnationalism and cultural nationalism in order to avoid conflicts caused by the crisis of state identity.

Keywords:

state identity, transnationalism, cultural community, national identity.

От научного редактора¹

Прежде чем приступить непосредственно к чтению текста, представляется разумным сделать несколько замечаний относительно перевода некоторых терминов, а также дать краткие определения основных понятий, используемых проф. Го Лишуан. Автор в своём анализе проводит различие между двумя понятиями *mínzú rèntóng* и *guójíā rèntóng*, которые на русский язык могут быть переведены одним термином – *национальная идентичность*. Но поскольку в китайском языке *mínzú rèntóng* буквально означает *отождествление себя с нацией, народом*, а *guójíā rèntóng* – *отождествление себя со страной, государством*, то в данном тексте мы будем передавать *mínzú rèntóng* как *национальная* (в смысле *этническая*) *идентичность*, а *guójíā rèntóng* – как *государственная* (*гражданская*) *идентичность* (например, как в случае с *Èluósī guójíā*, Российским *государством*).

Второе замечание. Го Лишуан использует китайский термин *chāo guójíā zhīyì*, который на русский язык можно перевести как *наднационализм, супранационализм, транснационализм*. Сегодня уже говорят и о *постнациональной идентичности*. Все эти термины, так или иначе, используются как в отечественных, так и зарубежных исследованиях, при этом их объёмы то совпадают, то пересекаются. В предлагаемом переводе мы используем термин *транснационализм*, т.е. *выходящий за пределы нации, страны, государства* (по аналогии с *транснациональными компаниями*).

Теперь о дефинициях ключевых понятий. Под *идентичностью* в целом понимается «осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе,

¹ Научный редактор – Кондрашов Пётр Николаевич, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

что позволяет ему определить своё место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире» (Левина-Крамер, 2008, с. 115).

Национальная (этническая) идентичность (*mínzú rèntóng*) – духовная, эмоциональная, культурно-историческая, языковая, религиозная привязанность к конкретному народу, этносу, его самобытности и отождествление себя с этим этносом; чувство духовного единства с ним. «В этносоциальных представлениях отражаются мнения, убеждения, верования, идеи, которые получили своё выражение в мифах, легендах, эпосах, обыденных формах мышления и поведения. Совокупность этих знаний и представлений связывают членов данной этнической группы и служит основой её отличий от других этнических групп... Другими словами, для каждого человека этническая идентичность означает осознание своей принадлежности к определенной этнической общности, осознание уникальности и неповторимости своего этноса, его культуры» (Левина-Крамер, 2008, с. 116).

Государственная идентичность (*guójiā rèntóng*) – это когнитивная и эмоциональная привязанность граждан к своей стране, отождествление себя как гражданина с конкретным государством. С функциональной точки зрения государственная идентичность является не только источником ценностей, но и формой единства государственного самосознания (*guóbīn yìshì*), поэтому она также выступает основным источником легитимности государства, обеспечивая необходимые географические, социальные, культурные и психологические условия для стабильности и развития страны.

Транснациональная (наднациональная и надгосударственная) идентичность, транснационализм (*chāo guójiā zhǐyì*), – осознание человеком своей принадлежности к наднациональным и надгосударственным политическим сообществам, когнитивное, эмоциональное, культурное, политическое отождествление себя с ними в противоположность («узко») этническим, национальным, религиозным, государственным идентичностям. Транснационализм может быть как региональным (европоцентризм, евразийство, латиноамериканская идентичность), так и глобалистским (космополитизм, общечеловеческая идентичность, постгуманистическая идентичность).

Политическое сообщество – социальный конструкт, возникающий как «результат актуализации одних признаков и элиминации других, различения между «мы» и «они», «свои» и «чужие» (Панов, 2007, с. 94–95), характеризующийся наличием чувства «мы», субъективным измерением институционального политического порядка; общностью интересов; наличием определённых средств, позволяющих сдерживать внутреннее разрушительное насилие; устойчивой взаимной убеждёностью, что разногласия между субъектами такого сообщества будут находить ненасильственное разрешение; наличием учреждений и институтов для принятия и проведения в жизнь совместных решений, составляющих предмет общей заботы. Необходимыми признаками политического сообщества (в отличие от культурного, религиозного, этнического и т. д.) являются: 1) пространственная локализация (которая влечёт за собой интенсификацию соединения-со-своими и разъединения-с-чужими); 2) правовая институционализация (государственные органы, конституция, законы, уставы организаций); 3) навязанность (например, индивиды – всегда либо граждане того или иного

государства, либо лица без гражданства, но всё равно включённые в институциональные структуры и политический порядок конкретных государств). «Политическое сообщество может принимать форму (1) региональной организации, которая поощряет ограниченное сотрудничество между членами в конкретных областях; (2) федеративной системы с центральной властью, обладающей наднациональными полномочиями; или (3) унитарного сообщества, возникающего в результате слияния ранее суверенных образований» (Piapo, Olton, 1988, p. 306).

Введение

После окончания «холодной войны» кризис государственной идентичности стал одной из самых горячо обсуждаемых тем нашего времени, и она по-прежнему актуальна. На *теоретическом* уровне многие дисциплины, такие как социология, психология, политология, этика и т. д., исследуют государственную идентичность каждая со своих методологических позиций, предлагая широкий спектр различных точек зрения. На *практическом* уровне люди почти повсюду переосмысливают и пересматривают, что у них общего и что отличает их от других, спрашивая: «кто мы такие? К чему мы принадлежим?» Поиск идентичностей имеет разную направленность, содержание которой определяется либо дезинтеграцией, либо интеграцией или реинтеграцией. Так, после распада Советского Союза отдельные независимые республики переосмысливали, выстраивали или возрождали свою *особую* государственную идентичность (результат дезинтеграции), а Германия после объединения ГДР и ФРГ, напротив, стремилась к формированию *единой* национальной идентичности (результат реинтеграции).

Сегодня даже страны с относительно стабильным политическим порядком ставят под сомнение и ищут свою идентичность. Например, современная Япония запутана в противоречиях между своим географическим положением, ориентализацией истории, демократической системой западного образца и вестернизацией повседневного образа жизни. Канада, Бразилия, Дания тоже сталкиваются с кризисом характеристик своей государственной идентичности. Даже Соединенные Штаты, когда-то очень уверенные в наличии общей культуры и общих убеждений, также задаются вопросом: *какова идентичность Соединенных Штатов?*

Почему же проблема идентичности, которая, казалось бы, не должна была быть слишком сложной, теперь сталкивается с подобными трудностями? И почему имеет место *глобальный кризис государственной идентичности?*

1. Транснационализм устраняет некоторые функции и авторитет государства и делает национальную идентичность динамичной и многомерной. С нашей точки зрения, транснационализм, порожаемый глобализацией, является главной причиной кризиса государственной идентичности. Он, возникая в экономической сфере, постепенно проникает и расширяется в политические и культурные области, и в конце концов выходит за рамки национальных и государственных границ. Он действует, подобно обоюдоострому мечу, одновременно способствуя политическому, экономическому и культурному развитию и укреп-

пляя тесные связи, но при этом постоянно разрушая функции и роль государств, создавая серьезные вызовы государственной идентичности всех стран.

С интернационализацией сетевых коммуникаций, транспорта и мобильности людей, особенно с быстрым развитием рыночной экономики в различных странах, тенденция к глобальной экономической интеграции становится всё более и более очевидной, а экономический кризис высветил реальность того, что глобальная экономика влияет на всё в мире.

Например, валютный кризис в Таиланде в 1997 году сначала затронул Юго-Восточную Азию, Южную Корею и Японию, а затем распространился на Россию и Латинскую Америку, вызвав тем самым глобальные финансовые потрясения. В 2008 году «финансовое цунами» на Уолл-стрит в США распространилось на мир с эффектом домино, и многие финансовые учреждения обанкротились. Очевидно, что экономическая глобализация усиливает взаимозависимость экономик стран, и проблемы, возникающие в экономике любой страны, в конечном итоге влияют на другие страны по-разному и в разной степени.

С другой стороны, хотя транснациональные корпорации создают более трети мирового богатства, они мешают экономическому суверенитету принимающей страны и оказывают негативное влияние, поскольку их цели развития не согласуются с долгосрочными планами экономического развития этих принимающих стран. Дело в том, что страны, в которых размещаются транснациональные компании, – это в основном страны *развивающиеся*. Хотя экономическая глобализация и способствует экономическому развитию последних, она также сопряжена с огромными рисками, такими как истощение дефицитных ресурсов, обесценивание (девальвация) валютных резервов и нарушение экономического порядка. Например, обвал фондового рынка в Китае с июня 2015 г. является классическим примером того, как злонамеренное вмешательство международного финансового капитала непосредственно спровоцировало нисходящее движение китайского фондового рынка, которое до сих пор не стабилизировалось.

Транснационализм, порождённый экономической глобализацией, не только привёл многие страны к постепенной утрате своего экономического суверенитета, не только развеял общие национальные ценности, но также заставил граждан усомниться в функциях экономического управления страной и ослабил их гражданскую, государственную идентичность. Отныне «социальная структура характеризуется гибридом экономических сообществ и раздробленных индивидов и их интересов. В результате интеграционная способность государства ослабевает, а целостные представления о государстве теряют свои позиции» (Zhuojun, Hualing, 2014, p. 145). Глобальное проникновение свободных рыночных экономических отношений и индивидуалистических ценностей нарушило существующие формы экономического развития в разных странах и оказало разрушительное влияние на исконные традиционные ценности, что привело к скептицизму и дезориентации в вопросах государственной идентичности.

В *политическом* плане транснациональность способствовала развитию международных организаций, изменила статус и функции национального государства, в некоторой степени снизила его авторитет, ослабила чувство идентичности граждан со страной. Ряд важных международных институтов постепенно взял на себя основные функции традиционных государств, став разработчиками правил глобальных действий и арбитром в спорах между странами.

Несомненно, что люди лелеют желание установить гармоничный международный порядок и наделить Организацию Объединенных Наций полномочиями по ведению международных дел, но иногда они сожалеют о том, что ООН, которая лишь афиширует свою моральную позицию, но при этом бессильна в действии. Так, ЮНЕСКО сыграла незаменимую роль в защите мирового культурного наследия, а ЮНИСЕФ (Детский фонд Организации Объединенных Наций) – в стремлении обеспечить равное достоинство детей во всем мире. Тем не менее, действия некоторых международных институтов подрывают функции суверенных государств. В частности, Международный валютный фонд осуществляет свою власть во имя обеспечения эффективного международного финансового порядка. Однако он фактически определяет финансовые внутренние дела многих стран, особенно это касается экономических отношений с развивающимися странами, когда неравенство установленных МВФ правил часто вредит реальным интересам самих этих развивающихся стран.

Транснационализм, таким образом, приводит к постепенной потере государственной и правительственной власти. «Государственные власти в значительной мере утратили возможность контролировать поток денег, текущих в их страны и наружу, и сталкиваются со все большими трудностями в контроле потока идей, технологий, товаров и людей. Короче говоря, государственные границы стали максимально прозрачны» (Хантингтон, 2003, с. 37).

Более того, Европейский союз как международная региональная организация наднационального сообщества не только значительно продвинул процесс европейской интеграции, но и нарушил Вестфальский договор (1648 г.), который в своё время озаменовал формирование современных национальных государств и положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Политика ЕС размывала границы между странами Европы, а также привела к постепенному формированию «глобализированного» сознания среди граждан стран региона и «рассеиванию» государственной идентичности граждан этих стран.

«Глобализация уничтожила силу наций. Развитие мирового рынка и других глобальных явлений действительно сократили права, которые ранее были, но в настоящее время отсутствуют в некоторых странах» (Гидденс, 2010, с. 9). В соответствии с идеями космополитизма и мирового гражданства, предложенными И. Кантом, по мере того, как глобализация выходит за рамки узкого национализма и национального самосознания, чувство государственной идентичности постепенно элиминируется, а идеология транснационализма, напротив, становится всё более и более сильной.

Однако самое интересное состоит в том, что транснациональность, порождённая глобализацией, не только ослабляет государственную идентичность, но одновременно с этим делает её более *динамичной* и *многомерной*. С международными потоками информации, рынков и людей государственная идентичность больше не является единственным подтверждением того, к какой стране принадлежит гражданин. Вместо этого он становится гражданином, у которого интегрированы самые разные идентичности с множеством ролей и множеством вариантов выбора.

Как утверждали С. Хантингтон (2003), Б. Андерсон (2001) и другие исследователи, национальная идентичность – это сконструированная концепция,

воображаемое «я», которые могут быть изменены в зависимости от реальной ситуации субъекта в данный момент. Например, в эпоху глобализации гражданин Китая, который является сотрудником иностранной компании, должен быть идентифицирован не только по пространственной координате «Китай–Мир», но и по временной координате «исторического настоящего». Стало быть, (1) его *государственная* идентичность указывает на гражданина Китая; (2) его *культурная* идентичность включает в себя как китайскую культуру, так и иностранное культурное влияние, а (3) его *экономическая* идентичность принадлежит многонациональной компании.

Таким образом, в эпоху глобализации государственная идентичность перестаёт непосредственно и однозначно определяться единой национальностью и устоявшейся исторической реальностью. Это уже не бессознательная коллективная принадлежность одной нации, – отныне граждане могут свободно выбирать свою позицию внутри самобытной национальной системы, культуры и т. д. Такое положение дел с необходимостью ставит под сомнение те механизмы, посредством которых государственная идентичность интегрирует множество гетерогенных идентичностей (Хан, 2010).

2. Культурное сообщество трансформируется в политическое сообщество, бросая вызов легитимности государственной идентичности. В своём развёртывании процесс глобализации идёт от экономики к политике, но на культурном уровне он сильно тормозится. Речь идёт о том, что глобализация способствует мировой экономической политической интеграции, но при этом она не может сформировать общую мировую культурную систему. Неoliberalизм некогда высокомерно считал, будто распад Советского Союза означал, что история закончилась победой либеральной демократии в мире, и мир будет объединен в *универсальную цивилизацию западной культурной модели*. Однако реальность глобального культурного развития противоречит этому факту: вместо признаков формирования универсальной цивилизации в глобальном культурном развитии часто возникают конфликты и столкновения различных культур и ценностей, которые приводят к разделению и перестройке культурного сообщества, а глобальная политическая карта перекраивается по линии межкультурного разлома. Конфликт цивилизаций создаёт новые противоречия и кризисы в национальной идентичности, обостряет проблему государственной идентичности и делает её более актуальной.

Статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», опубликованная в 1993 году (Huntington, 1993; Хантингтон, 1994), вызвала ожесточённые споры в международных академических кругах, и её влияние до сих пор не уменьшилось. Это связано с тем, что Хантингтон вводит новые аналитические рамки для анализа и прогнозирования мировой политической картины в перспективе «столкновения цивилизаций», исследуя новые модели конфронтации и координации между странами после холодной войны, которые были подтверждены рядом реальных событий. По мнению Хантингтона, культура – это не культурное произведение в узком смысле (как артефакт), а скорее культурное и цивилизационное явление в широком смысле. «Под «культурой», – пишет он, – мы понимаем совокупность языка, религии, общественных и политических ценностей, социального кодекса, разграничивающего «хорошее» и «дурное»,

«допустимое» и «недопустимое», а также общественных институтов и поведенческих структур, отражающих эти субъективные элементы» (Хантингтон, 2004, с. 64)².

После окончания «холодной войны» мировая политика перестраивалась по культурным линиям, и большинство стран теперь не формулируют свои собственные интересы на основе идеологии, а всё в большей степени определяют их в соответствии с цивилизационным типом и идентичностью ценностей, стремясь объединиться со странами со схожими культурными формами, чтобы противостоять другим, которые отличаются от них в этом отношении.

В настоящее время атрибуция (приписывание) культурной идентичности имеет больше практической эффективности в процессе формирования ценностей и воспитания, чем построения и призывы государственной идеологии. Думается, что изменения в государственной или культурной идентичности, вызванные столкновением цивилизаций, могут привести к новым политическим конфликтам между странами или регионами, которые серьезно повлияют на становление нового политического и культурного порядка в мире.

За последние два десятилетия многие международные события поразительно соответствовали предполагаемой парадигме цивилизационного развития Хантингтона: разделение Советского Союза и Югославии, усиление торгового конфликта между Соединенными Штатами и Китаем, плавный прогресс европейской интеграции и террористические атаки мусульманских экстремистских организаций против европейских и американских стран, конфликт между Россией и Украиной и др.

Одним из наиболее показательных примеров является то, что Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» (Huntington, 1996; Хантингтон, 2003), используя парадигму цивилизационного развития, предсказал российско-украинский конфликт так же, как и тот факт, который произошел в 2014 году, что этот конфликт не приведёт к широкомасштабной войне, а более вероятно, что Украина будет разделена на две части вдоль линии разлома цивилизации. «Полицивилизационный подход... делает акцент на весьма тесных культурных и исторических связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах..., фокусируясь на цивилизационной «линии разлома», которая делит Украину на православную восточную и униатскую западную части. В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает её до минимума и подчеркивает возможность раскола Украины» (Хантингтон, 2003, с. 41). Хотя текущая внутривосточная ситуация на Украине ещё не стабилизировалась, факт присоединения Крыма и Севастополя к Российской Федерации в результате референдума достаточен

² Ср.: «Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей» (Хантингтон, 1994, с. 34). Ср.: «Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями» (Хантингтон, 2003, с. 17).

для доказательства справедливости прогнозов парадигмы цивилизационного развития.

В настоящее время, когда транснациональность становится всё более выраженной, национальные культурные традиции подвергаются шоку, постепенно теряют свою нормативную силу, и повседневный образ жизни людей формируется в диалектическом движении обеих этих тенденций. Почему глобальная политическая экология будет реконструироваться по культурной линии?

Причина в том, что поскольку после окончания «холодной войны» идеологические разногласия и конкуренция между странами снизились, то самыми существенными различиями между людьми стали различия культурные. Чтобы ответить на вопрос «Кто мы?», люди более склонны определять себя с точки зрения происхождения, религии, языка, истории, ценностей и т. д., т. е. идентифицировать себя со своими собственными культурными традициями на более широком уровне.

«Модернизация, прорывы в экономическом развитии, урбанизация и глобализация, – пишет С. Хантингтон, – привели к тому, что люди были попросту вынуждены переопределить собственную идентичность, сузить её рамки, превратить её в нечто более камерное, более интимное. Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединиться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история» (Хантингтон, 2004, с. 37).

Страны, базирующиеся на *общих культурных традициях*, с большей вероятностью через *политическое* сотрудничество достигнут внутреннего консенсуса, и поэтому из культурного сообщества трансформируются в сообщество *политическое*. Это та внутренняя сила, которую культурные традиции и ценности раскрывают в современной политической экологии.

В ответ на тезис Хантингтона о том, что «глобальная политическая экология будет реконструирована по культурной линии», Мануэль Кастельс более подробно изучил ремоделирование, трансформацию культурного сообщества с социологической точки зрения. Он отметил, что построение идентичности в культурном сообществе в основном вращается вокруг принципа *сопротивления* легитимной государственной идентичности, который способствует дезинтеграции идеологической идентичности, созданной через правовую идентичность. А новое сообщество, как коллективная сила социальной трансформации, формируется через *защитную* идентичность.

Культурное сообщество, стремящееся к своей уникальности, возникает в процессе построения защитной идентичности, основанной на географии, истории, языке и т. д. Оно строится на правилах, определенных историей и географией. Культурное сообщество, созданное как защитная реакция, устраняет уже существующую легитимную идентичность, создавая новые культурные символы, превращая их в источник смысла и идентичности (Castells, 2010, pp. 69–72).

Таким образом, культура является одновременно и разделяющей, и объединяющей силой, а перестройка нового культурного сообщества привела к тому, что глобальная политическая экология была реконструирована вдоль линий разлома между культурами. Поэтому в этом новом культурном контексте страны должны переосмыслить свою *государственную* идентичность.

В современном обществе существует три причины пассивного изменения культурного сообщества. Во-первых, трансформация культурного сообщества является ответом на глобализацию. Глобализация разрушает автономию институтов, организаций и систем коммуникации, от которых зависит выживание человечества. Таким образом, во всём мире идёт процесс реструктуризации религиозных, этнических и территориальных культурных сообществ, формирования защитной идентичности, функционирующей как убежище и единство внутри культурного сообщества, сохранения и поддержания его уникальных ценностей и смыслов.

Во-вторых, ремоделирование культурного сообщества – это реакция на возникновение эластичных информационных сетей, которые разрушают пространственно-временные границы, стирают различия между участниками сетевой коммуникации, что приводит к структурной дестабилизации работы, времени и пространства.

Наконец, в-третьих, перестройка культурного сообщества является ответом на кризис патриархальной семьи: «Когда патриархальная поддержка личности разрушается, люди утверждают трансцендентную ценность семьи и общины [community], как основанной на воле Бога» (Castells, 2010, p. 69).

3. Диалектика политических и культурных сторон национальной идентичности определяет усиление или разрушение государственной идентичности. В процессе преобразования культурного сообщества и конфликтов между различными культурами сила национальной идентичности постоянно усиливается, иногда даже выходя за пределы национальных границ, рассеивая идентичность государственную, что приводит как к внутренним национальным конфликтам, так и конфликтам между странами. Противоречия между государственной и национальной идентичностями, особенно в многонациональных странах в период социальных преобразований, играют ведущую роль в обществе и бросают вызов легитимности государственной идентичности. Государственная идентичность является главным источником легитимности государства, которая тесно связана с национальной, этнической идентичностью.

Является ли политическая и культурная природа национальной идентичности *единой*, непосредственно определяет, способствует ли она развитию или разрушает идентичность государственную. Двойственность национальной идентичности проявляется в следующем. Когда имеет место политическое и культурное *единство*, то этническое самосознание способствует формированию и укреплению государственной идентичности; когда они *разделены*, то этническая идентичность разрушает государственную идентичность населения страны и становится силой, разрушающей государство.

В начале формирования современного политического государства политические и культурные аспекты национальной идентичности были *гармоничны*. Национально-культурное сообщество использовало трансцендентную силу – культуру национальных эмоций и воображения – для конституирования и осознания единой государственной идентичности, осуществления национальной и социальной интеграции и обеспечения необходимой коллективной основы для государственной идентичности. Как источник коллективной идентичности национальная идентичность заполняет пробел, образовавшийся в результате

распада религиозного метафизического мировоззрения и утраты традиционной политической легитимности, а также закладывает основу социального единства и единства для реализации экономических и политических целей современного общества.

Напротив, если политическая и культурная природа национальной идентичности *разделены*, то противоречие между государственной идентичностью и национальной, этнической идентичностью неизбежно. Внешнее исключение и внутренняя интеграция государственной идентичности должны устранить индивидуальность этнических групп, ослабить и стереть неоднородность между ними, особенно в многонациональных странах.

В этой связи создание и распад Советского Союза признается наиболее типичным примером. Советский Союз был построен под двумя идентичностями: национальной идентичности более чем 200 народов и новой исторической, социальной и интернациональной общности – *советского народа*. На ранних стадиях своего развития Советский Союз использовал свою огромную идеологическую машину, чтобы попытаться ослабить этнические идентичности, интегрировать их в общую идентичность, т.е. интегрировать идентичность каждой нации в советскую систему и попытаться построить генеральную государственную идентичность – *советский народ*.

В то время политические и культурные аспекты этнической идентичности были внутренне когерентны, совпадали, что, собственно, и способствовало конституированию мощной (государственной) национальной идентичности. По словам Бенедикта Андерсона, это означает замену *воображаемого сообщества* – *воображением сообщества*. В 1960-х годах у людей всех этнических групп в Советском Союзе постепенно формировалось чувство идентичности с советской сверхдержавой, но это чувство идентичности было разрушено, прежде чем оно укоренилось в сердцах людей.

В более поздний период социальных преобразований и политических потрясений в Советском Союзе потенциальное отталкивание и деструкция государственной идентичности со стороны этнических идентичностей было стимулировано возрождением национализма и стало одной из причин распада Советского Союза. «Духовная пустота, возникшая из-за неспособности привить массам марксистско-ленинские идеи, была заменена в 1980-х годах, когда люди были свободны выражать свои идеи, единственным источником идентичности, сохранившимся в коллективной памяти людей – национальной идентичностью» (Castells, 2010, p. 43).

В этом контексте культурная природа национальной идентичности отвергает её политическую природу и играет ведущую негативную роль в разрушении идентичности государственной. Как заметила Юлия Синеокая, хотя советские люди, воспитанные идеологией, обладали общим эффективным мобилизационным единством, тем не менее, оно, не имея эндогенной ценностной основы, неизбежно было разрушено возрождением национализма.

С конца XX века до настоящего времени культурная тенденция национальной идентичности стала более заметной, и сформировалась новая политическая тенденция. Возрождение национализма тесно связано с идеей культурного национализма, который высвобождает мощные силы. Благодаря совместному опыту и общей истории люди создают сильную национальную, культурную

и региональную идентичность. Однако, укрепляя границы, ценностные суждения меняются местами – происходит аксиологическая инверсия, которая, в свою очередь, способствует трансформации культурной общности в политическое сообщество.

Таким образом, возрождение современного национализма – явление не случайное, – это реакция на глобализацию европейской и американской моделей и культурный универсализм. Национальные культурные традиции – важнейшие характеристики нации. В ситуации, когда культурные традиции народа оказываются под угрозой, самобытность национальной культурной общности может быть сохранена только путём творческого восстановления уникальных исторических и культурных атрибутов национальной общности. Идентичность сопротивления (исключения), порождённая национализмом и направленная против идентичности государственного единства, как заместитель религии, даёт людям ощущение бессмертия через приобщение к национальной истории и культуре.

Первоначальная цель современного национализма не предполагала политического суверенитета страны. Он использует культурную идентичность сопротивления для защиты культуры национального сообщества, которая хранится в коллективной памяти. Однако когда общество находится в переходном периоде или в нём меняется политическая система, эта культурная национальная идентичность быстро трансформируется в политическую и государственную идентичность. Но такая трансформация неполитической национально-культурной общности в странах с разными этническими и культурными составляющими будет иметь диаметрально противоположный эффект.

Так, для стран с *высокой этнической однородностью*, таких как Япония и Южная Корея, восстановление национальных культурных сообществ является силой, способствующей продвижению и укреплению государственной идентичности. Для стран же с *высокой этнической неоднородностью*, таких как США, Китай и Россия, напротив, возрождение национальных культурных общностей является силой, разрушающей и рассеивающей государственную идентичность.

Русский антрополог В. А. Тишков подробно разграничил национализм, основанный на *этническом принципе*, и национализм, основанный на *гражданстве*. «Различия между двумя типами национализма существенны: этнический национализм основан на *идеологии исключения и отрицания многообразия*, а гражданский национализм основан на *идеологии солидарности и признания многообразного единства*» (Тишков, 2008, с. 137). «Каким бы неоднородным ни было население государств, оно повсюду самоопределяет себя как нации и свои государства считает национальными. Народ и нация выступают в данном случае синонимами, и именно эти категории придают изначальную легитимность современному государству» (Тишков, 2008, с. 136). Определение нации, данное Бенедиктом Андерсоном, также раскрывает эту тенденцию современного национализма. «Я предлагаю, – пишет он, – следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» (Андерсон, 2001, с. 30).

При этом воображаемое политическое сообщество не становится ложным, потому что оно основывается на воображаемой связи. Оно – продукт когнитив-

ного процесса социальных групп и *социальный факт* в социальной психологии³, поэтому культурный национализм неизбежно оказывает положительное или отрицательное, сильное или слабое влияние на государственную идентичность.

Национальная идентичность, построенная на культурном национализме, порождает ряд исключительных и радикальных национальных (расовых) движений, «что приводит к отделению этнокультурной идентичности от идентичности государственной. В политической практике это приводит к таким политическим действиям, как этнические столкновения [ethnic clashes], сепаратистские движения и расизм, которые подрывают национальную целостность [national integrity]» (Zhuojun, Hualing, 2014, p. 147).

Существенную роль в этом процессе играет то, что идентичность исключения бросает вызов прошлой легитимной идентичности и отрицает легитимность государственной, общенациональной, гражданской идентичности. Например, после распада Советского Союза 25 миллионов русских жили в разных независимых республиках, что привело к сложному переплетению и взаимодействию национальной идентичности и гражданского самосознания. Прибалтийские республики подвергли дискриминации этнических русских на своей территории, что привело к возникновению многих новых этнических конфликтов.

В 2014 году отчёт международного семинара «Валдай» на тему «Национальная идентичность и будущее России» ясно показал нынешнюю роль культурного национализма в распаде («растворении») гражданской идентичности: «Исторически российский характер – это характер мужественных и терпеливых людей. Открытых к другим культурам и религиям... Российская идентичность есть, и изобретать её не нужно. Любая попытка подменить национальную идентичность этнической или религиозной – антироссийская и антиисторическая, поскольку направлена на подрыв государства и народов, столетиями живущих вместе, создавших и отстоявших вместе великую страну» (Национальная идентичность и будущее России, 2014, с. 10).

Ключевым вопросом здесь является взаимосвязь между национальной, культурной и территориальной идентичностями. Хаотичное отождествление национальной идентичности и идентичности территориальной может привести к конфликтам между странами или регионами, а внешняя территориальная идентичность, установленная так, чтобы соответствовать однородности внутренней национальной идентичности, очень вредна.

При основании Советского Союза была признана национальная идентичность всех народов, причем в основу принципа национального самоопределения была положена национальная культура, а не территория. «Во время кровавого кризиса бывшей Югославии правительства Организации Объединенных Наций, Соединенных Штатов и Западной Европы были вынуждены принять формулу «территориальная единица = единая этническая группа = нация-государство». Этот компромисс не только противоречил политической философии, но и проповедуемой ими этике» (Grosser, 2010, p. 11). Такой территориальной идентично-

³ «Оно *вообразенное*, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» (Андерсон, 2001, с. 31).

стью не является территория страны, в которой проживают граждане государства, состоящие из разнородного населения. Скорее, речь идёт о территории, на которой проживают люди с общей идентичностью, определяемой принадлежностью к одной этнической группе.

Связь между разделением (делимитацией) границ между странами и национальной идентичностью не абсолютна. Иногда разграничение территориальных границ может породить новую гражданскую идентичность, а доступ людей к общему образованию, совместному управлению и участию в общественной жизни формирует и укрепляет чувство общей идентичности. Чувство принадлежности к стране – исторично и может развиваться со временем. Примером этого является то, что западные колониальные страны сначала ликвидировали произвольное разделение границ этнической принадлежности в Африке, а затем сформировали границы нынешних африканских стран.

В некоторых случаях этническая идентичность также приводит к территориальным требованиям для повторного разграничения установленных границ. В настоящее время Россия и Украина сталкиваются с хаотическим отождествлением и путаницей между национальной, культурной и территориальной идентичностями. Это привело к тому, что национальная идентичность вышла за пределы государственных границ и породила конфликты между государствами.

4. Несколько мыслей о мерах по предотвращению конфликтов, вызванных кризисом государственной идентичности. Таким образом, три фактора – транснационализм, вызванный глобализацией, перестройка новой культурной общности и укрепление национальной идентичности являются основными причинами современного кризиса идентичности государственной. Они разрушили гражданскую, государственную идентичность на разных уровнях и – более того – поставили под вопрос её легитимность.

В данной статье мы проанализировали причины современного кризиса государственной идентичности, но конечная цель нашего рассмотрения – подумать о том, как можно избежать конфликтов между странами или регионами, вызванных кризисом государственной идентичности.

4.1. Равное общение и диалог в целях устранения «признания различий». Для различных типов государственных субъектов вызовы транснациональности, детерминированные глобализацией, различны по существу. Для западных развитых стран, возглавляемых США, суть кризиса государственной идентичности заключается в «признании» новой оппозиции и потенциальных врагов после окончания «холодной войны», а также в их страхе и беспокойстве по поводу глобальной политической многополярности и культурного разнообразия. Они придают большое значение культивированию и воспитанию идентичности своих граждан и изо всех сил стараются уменьшить влияние мультикультурализма на государственную идентичность. Однако они выдвинули лозунг о том, что права человека выше суверенитета развивающихся стран, чтобы проникнуть в их политические системы и идеи. Цель состоит в том, чтобы занять доминирующее положение в культуре и ценностях развивающихся стран и тем самым их контролировать для реализации своих собственных национальных.

Для незападных стран деконструкция государственной идентичности, вызванная транснационализмом и глобализацией, по сути, является распростра-

нением западного центризма во главе с США в незападных странах в ущерб интересам последних. Западные развитые страны доминируют в процессах формулирования, разработки и осуществления международных правовых норм, пытаются агрессивно продвигать и навязывать всему остальному миру механизмы и структуры рыночной экономики и демократические политические модели. Они стремятся к созданию единства, но по существу исключают слабых, объединяя сильных, что заставляет незападные страны задаться вопросом и задуматься о функциях и идентичностях своих собственных государств и правительств. При этом под интерактивным влиянием внутренних трансформаций и волн глобализации незападные страны стараются не ассимилироваться с западной цивилизацией в процессе модернизации.

Эта логика сильных основана на нанесении ущерба интересам слабых. Когда западные развитые страны намереваются внедрить свои собственные правила и модели в политическую и экономическую жизнь незападных стран, то последние сопротивляются, чтобы сохранить суверенитет и преемственность государственной идентичности. Хотя у таких действий мало практических результатов, тем не менее они идут в правильном направлении и могут ещё больше изменить несправедливую логику сильных посредством постоянного общения и диалога. Известный российский политический социолог А. Г. Дугин указал на более реалистичный подход в этом отношении: «Но если выстоим, новый мировой порядок рухнет. Это в конце концов исполнение исторического долга... Это будет не просто новым рождением империи, это будет духовное пробуждение, рывок и одновременно конец мировой доминации «цивилизации Charlie» (Дугин, 2015, с. 247).

Стало быть, кризис государственной идентичности, вызванный глобализацией, в политическом и экономическом аспектах напрямую связан с различиями в политической идеологии и различиями в материальных экономических интересах. Посредством равноправного общения и диалога бинарная оппозиция «признания различий» (*tèn yì*) может быть постепенно устранена. Исходя из предпосылки сохранения своей уникальности, разные национальные идентичности выходят за пределы узкого национализма и национального самосознания, чтобы достичь *мировой истории*, предложенной Марксом, и *мирового гражданства*, предложенного Кантом.

4.2. Уважение самобытности различных культур и противостояние цивилизационным конфликтам. Наднациональный характер глобализации, усиливая межгосударственное взаимодействие и взаимозависимость в экономической, политической, коммуникационной и человеческой сферах, обострил рефлексивное самосознание наций, принадлежащих к разным цивилизациям. Таким образом, транснационализм, ослабляя власть государства и лишая его своих собственных возможностей, в то же время «жалит» нервы национальной культурной идентичности. Поэтому противоречия между политическими идеологиями и экономическими материальными интересами если и не могут быть разрешены полностью, то по крайней мере в этом вопросе можно в определенной степени достичь компромисса путём обсуждения, переговоров и консультаций. Однако подобными методами не могут разрешиться различия в ценностях различных культур и религий. Только *на основе уважения и признания культурного разнообразия* различные культуры и различные типы цивили-

лизаций могут мирно сосуществовать, не вызывая катастрофических событий для человечества.

Как заметил Энтони Гидденс, «главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью» (Гидденс, 2004, с. 20). Перед лицом конфликта цивилизаций наиболее остро встаёт вопрос и о том, как примирить мультикультурализм с государственной идентичностью. Мы считаем, что диалог и консультации должны осуществляться на основе мультикультурализма и плюралистических ценностей, уважения разнообразия и сложности культуры и понимания проблемы государственной идентичности с культурной точки зрения только для того, чтобы найти эффективный способ укротить этот вышедший из-под контроля мир.

4.3. Уважение национальных особенностей способствует объединению политических и культурных аспектов национальной идентичности. Наконец, ещё один вопрос. Как избежать конфликтов, которые могут быть вызваны национальной идентичностью, бросающей вызов идентичности государственной? Для многоэтнических стран укрепление национальной идентичности может привести к изменению в содержании государственной идентичности. Более того, когда национальная идентичность выходит за пределы границ страны, это приводит к новым конфликтам между странами или регионами. Иными словами, укрепление национальной идентичности ставит под сомнение легитимность гражданской, государственной идентичности.

Однако и такого рода конфликтов можно избежать. Как теория, так и история доказали, что национальная идентичность является ключевым фактором, влияющим на государственную идентичность, и её положительное или отрицательное влияние на последнюю зависит от того, согласуются ли её внутренние политические и культурные составляющие. Национальная идентичность имеет характеристики внутреннего единства и внешнего исключения. В то же время существует различие между политической идентичностью и культурной идентичностью внутри собственно национальной идентичности.

Когда политические и культурные аспекты национальной идентичности объединены в непротиворечивую «органическую целостность», то национальная идентичность использует трансцендентную силу – культуру национальных эмоций и воображения, чтобы обеспечить необходимую основу коллективной идентичности для государственной идентичности, реализовать национальную интеграцию и предотвратить разделение страны на этнические «суверенные государства».

Когда политические и культурные аспекты национальной идентичности разделены, особенно когда культурная составляющая отрицает её политическую компоненту, то в таком случае национальная идентичность разрушает существующую государственную идентичность, выходя за её рамки и вызывая внутренние конфликты между этническими группами или между странами.

При этом особое внимание следует уделять культурному национализму, который чрезвычайно активен из-за усиления культурной тенденции национальной идентичности, и его культурное содержание легко сформирует новые политические тренды. «Особый вызов государству и гражданской нации, – пишет В. А. Тишков, – представляет радикальный национализм от имени меньшинств, которые желают выйти из общего государства путём вооруженной сепарации».

Этнический национализм большинства также несёт в себе риски, ибо он может объявить государство исключительной собственностью одной группы и тем самым породить противников государства среди меньшинств» (Тишков, 2008, с. 137).

Хотя первоначальное намерение современного культурного национализма не связано с политическим суверенитетом страны, когда общество находится в переходном периоде или в периоде изменений политической системы, эта основанная на культуре национальная идентичность может легко изменить ценностные суждения и высвободить мощную идеологическую силу, быстро трансформируясь в новую и государственную идентичность. Как мы уже говорили выше, для стран с высокой этнической разнородностью становление этнических культурных сообществ определено разрушит государственную идентичность. Следовательно, мы должны объективно понимать и уважать культурные характеристики различных этнических групп, чтобы иметь возможность объединить политические и культурные аспекты их этнической уникальности.

Бенедикт Андерсон указывает, что национализм и национальная идентичность являются продуктами истории и культуры. Они уходят корнями в культурную и психологическую глубинную структуру человеческого сознания. И проблема здесь состоит в том, как предотвратить их вырождение в «официальный национализм» или агрессивный и расширяющийся империализм.

Сама нация – это культурное сообщество с политическими тенденциями, и только глубокое взаимопонимание и уважение к особенностям культур этнических групп являются гарантией того, что политики не превратят национальные идентичности в инструмент манипулирования народом. Только через объективное понимание исторических процессов и механизмов формирования каждой уникальной национальной идентичности (включая самоидентификацию и идентичность другого) мы можем по-настоящему избавиться от высокомерного этноцентризма и, таким образом, искать пути сосуществования между различными «воображаемыми сообществами».

Заключение

В целом, дифференциация и диалектические трансформации транснационального сознания, культурного сообщества и национальной идентичности бросают вызов именно *государственной* идентичности, постепенно «растворяют» и элиминируют её, что приводит к её современному кризису. Это часто ведёт к конфликтам, антропогенным и техногенным катастрофам.

Обращаясь к первопричине кризиса, автор призывает: устранить менталитет «признания различий» посредством равноправного общения и диалога; преодолеть узкий национализм и националистическое сознание; противостоять конфликту цивилизаций, уважая уникальность различных культур; выйти за пределы «надменности» западной культуры; объединить политические и культурные аспекты национальных идентичностей, уважая при этом этническую самобытность каждой из культур; наконец, преодолеть расовый и этнический национализм посредством «национализма» гражданского.

Но теория может показать свою силу и свет только в том случае, если она укореняется и прорастает в реальности. На практическом уровне в последние

годы китайское правительство предприняло конкретные действия по устранению менталитета «признания различий» и преодолению узкого национализма и достигло хороших результатов.

К ним относятся: связь между экономическим поясом Шёлкового пути и Евразийским экономическим союзом России в Центральной Азии. Поскольку экономическое сотрудничество Китая, России и стран Центральной Азии учитывает общие интересы и внутренние требования каждой из сторон, то можно будет достичь многосторонних результатов. С развитием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и инициативы «Один пояс, один путь» Китай добровольно отказался от права вето в один голос и выступил за построение мирового сообщества с общим будущим. Это в очередной раз нанесло удар по диктаторскому Международному валютному фонду, возглавляемому Соединенными Штатами, и стало демократической моделью международного сотрудничества.

Профессор Московского государственного института международных отношений Н. А. Иванова, высоко оценивая Китай, считает, что незападные страны должны объединиться, чтобы прорвать старый порядок, управляемый Европой и Америкой, в пассивном ответе на процесс глобализации, который в значительной степени зависит от объединенных сил таких стран, как Китай, Индия и Россия с мировым влиянием (Иванова, 2016).

Столкнувшись с разными странами, цивилизациями, этническими группами и политическими системами, Китай занял позицию «инклюзивности» и «поиска точек соприкосновения, сохранения при этом различия» друг с другом на равной основе. Сама китайская цивилизация сформировалась за тысячи лет полиэтнической, поликультурной и «многошкольной» интеграции, которая совершенно отличается от культур и наций, которые враждебны друг другу и нападают друг на друга. Таким образом, сама китайская цивилизация обладает набором методов и традиций, позволяющих гармонично сосуществовать различным противоречивым культурам и нациям.

Как нам представляется, культурная сущность «инклюзивности» и «поиска точек соприкосновения и взаимопонимания при сохранении различий» может быть одним из лучших духовных ресурсов для преодоления кризиса государственной идентичности.

Список литературы

1. Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
2. Гидденс, Э. (2004). *Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь мир.
3. Гидденс, Э. (2010). *Национальные государства в глобальную эпоху*. Нанкин: Народное издательство Цзянсу (На китайском языке).
4. Дугин, А. Г. (2015). Новороссия – крах или взлёт для России. *Молодая гвардия*, 9, 244–248.
5. Иванова, Н. А. (2016). Тенденции изменения архитектуры безопасности Евразии. *Международный семинар «Китай и Евразия: новые возможности и новые вызовы»* (На китайском языке).

6. Левина-Кramer, Е. А. (2008). «Культурная» и «этническая» идентичности как категории социальной науки. *Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования*. Ч. 2 (с. 114–116). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
7. *Национальная идентичность и будущее России*. (2014). Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва.
8. Панов, П. В. (2007). Политическое сообщество: конструирование и институционализация. *Полис*, 1, 94–103.
9. Тишков, В. А. (2008). Российский народ и национальная идентичность. *Россия в глобальной политике*, 6(4), 135–142.
10. Хан, Чжэнь. (2010, 24 августа). Национальная идентичность в эпоху глобализации. *China Social Science News*, 117 (На китайском языке).
11. Хантингтон, С. (1994). Столкновение цивилизаций? *Полис*, 1, 33–48.
12. Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ.
13. Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. М.: АСТ, Транзиткнига.
14. Castells, M. (2010). *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing.
15. Grosser, A. (2010). *The dilemma of Identity*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
16. Huntington, S. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.
17. Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
18. Piano, J., Olton, R. (1988). *The International Relations Dictionary*. Santa Barbara (CA), Oxford: ABC–CLIO.
19. Zhuojun, W., & Hualing, H. (2014). National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. *Social Sciences in China*, 35(2), 139–154. doi: 10.1080/02529203.2014.900889

References

1. Anderson, B. (2001). *Voobrazhayemyye soobshchestva* [Imaginary communities]. Moscow: Kanon-Press, Kuchkovo pole.
2. Castells, M. (2010). *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell Publishing.
3. Dugin, A. G. (2015). Novorossiya – krakh ili vzlot dlya Rossii [Novorossiya: collapse or takeoff for Russia]. *Molodaya gvardiya*, 9, 244–248.
4. Giddens, A. (2004). *Uskol'zayushchiy mir. Kak globalizatsiya menyayet nashu zhizn'* [An elusive world. How globalization is changing our lives]. Moscow: Ves' mir.
5. Giddens, A. (2010). *Natsional'nyye gosudarstva v global'nyu epokhu* [Nation states in the global era]. Nanjing: Jiangsu People's Publishing House (In Chinese).
6. Grosser, A. (2010). *The dilemma of Identity*. Beijing: Social Sciences Literature Press.
7. Han, Zhen. (2010, August 24). Natsional'naya identichnost' v epokhu globalizatsii [National identity in the era of globalization]. *China Social Science News*,

117 (In Chinese).

8. Huntington, S. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 72(3), 22–49.

9. Huntington, S. (1994). Stolknoveniye tsivilizatsiy? [Clash of Civilizations?]. *Political studies*, 1, 33–48.

10. Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

11. Huntington, S. (2003). *Kto my? Vyzovy amerikanskoj national'noj identichnosti* [Who are we? Challenges to American National Identity]. Moscow: ACT, Transitbook.

12. Huntington, S. (2003). *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST.

13. Ivanova, N.A. (2016). Tendentsii izmeneniya arkhitektury bezopasnosti Yevrazii [Changes in the security architecture of Eurasia]. In *International seminar "China and Eurasia: new opportunities and new challenges"* (In Chinese).

14. Levina-Kramer, E. A. (2008). "Kul'turnaya" i "etnicheskaya" identichnosti kak kategorii sotsial'noj nauki ["Cultural" and "ethnic" identity as a category of social science]. In *Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research. Part 2* (pp. 114–116). Ekaterinburg: Ural University Press.

15. National identity and the future of Russia [Natsional'naya identichnost' i budushcheye Rossii]. (2014). *Report of the Valdai International Discussion Club*. Moscow.

16. Panov, P.V. (2007). Politicheskoye soobshchestvo: konstruirovaniye i institutsionalizatsiya [Political community: construction and institutionalization]. *Political studies*, 1, 94–103.

17. Piano, J., & Olton, R. (1988). *The International Relations Dictionary*. Santa Barbara (CA), Oxford: ABC-CLIO.

18. Tishkov, V.A. (2008). Rossiyskiy narod i natsional'naya identichnost' [Russian people and national identity]. *Russia in global affairs*, 6(4), 135–142.

19. Zhuojun, W., & Hualing, H. (2014). National Identity in the Era of Globalization: Crisis and Reconstruction. *Social Sciences in China*, 35(2), 139–154. doi: 10.1080/02529203.2014.900889